Новая Дикая Охота. Рассказы для живых

Автор:
Макс Фрай

Новая Дикая Охота. Рассказы для живых

Макс Фрай

Миры Макса Фрая

«Новые дикие» – художественное течение, возникшее в Германии в последней четверти двадцатого века. Своей сверхзадачей «Новые дикие» считали обновление художественного видения посредством эстетического шока. Дикая охота, согласно распространённому мифу, считала своей сверхзадачей скорее обновление мира в целом, но тоже посредством эстетического шока. А как иначе объяснить их манеру бесцеремонно вторгаться в мир живых в виде кавалькады ужасающих призраков, встречу с которыми мало кто мог пережить. Автор этой книги тоже считает своей сверхзадачей обновление мира, или, на худой конец, художественного видения, хоть и осознаёт, что по сравнению с Кифером, Базелицем и Одином шансы у него так себе.

Макс Фрай

Новая Дикая Охота

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ»

Метод

На высоком лесистом холме, оплетённом корнями деревьев, в вечном полумраке их крон, я закопаю свою первую смерть. Пусть прорастёт остролистным клёном, зеленеет всё лето и вместе с другими такими же молодыми побегами зачахнет без солнца, ещё до начала зимы.

На берегу неглубокой, быстрой, весёлой речки, что течёт с востока на запад, когда не петляет (а петляет всегда), среди крапивы и клевера закопаю свою вторую смерть. Пусть прорастёт бересклетом крылатым; я не придумываю, бывает такой бересклет. Пусть три года растёт там реке на радость, цветёт, зеленеет весной и алеет осенью, плодоносит диковинными штуковинами, похожими на лопнувшие сердца. А четвёртое лето пусть окажется щедрым на ливни, река разольётся, затопит берег, вырвет куст бересклета с корнями и унесёт.

В чужом палисаднике за дровяными сараями закопаю свою третью смерть. Пусть прорастёт там полынной амброзией, которую всякий садовник, каким бы лентяем ни был, как только заметит, сразу же выполет, не пощадит.

На тропинке в Нагорном парке, не проложенной, а протоптанной, закопаю свою четвёртую смерть. Пусть прорастёт там берёзкой, тоненькой, хрупкой, распустит первые листья, в сентябре эти листья начнут желтеть, и тогда какой-нибудь невнимательный любитель природы, пробираясь по парку в сумерках, нечаянно на неё наступит специально купленным для прогулок треккинговым башмаком.

В подвале старого дома на дальней окраине города, в земляном полу закопаю свою пятую смерть. Пусть она окажется мандариновой косточкой, у которой в тёмном подвале без окон ни единого шанса нет прорасти.

На Кафедральной площади, глубоко под которой пролегает русло тайной реки Кочерги (она давным-давно стала подземной и сама о себе забыла, да город её не забыл), где-нибудь под колокольней, которая изредка на закате, когда на

шпиле вместо креста сияет заходящее солнце, становится; ладно, допустим, просто кажется маяком, в щели между плитками закопаю свою шестую смерть, пусть прорастёт одуванчиком, зацветёт не ко времени в ноябре и зачахнет от первых же заморозков прежде, чем успеет рассыпаться на летучие невесомые семена.

А свою седьмую смерть, самую маленькую, неказистую, нескорую, почти невозможную, незаметную в темноте, подберу, посажу на ладонь, осторожно поглажу указательным пальцем, выкормлю своими самыми сладкими снами – что она съест, я забуду; невелика потеря, самые горькие останутся мне. Выращу, приручу, научу ходить по дорогам, плясать, смеяться и выглядывать из моих глаз, потому что если уж нельзя человеку совсем обойтись без смерти, пусть она будет такая, как я.

Где у тебя болит

Все события вымышлены (вымышленными персонажами), все совпадения не случайны (но не то, чем кажутся).

1. Рен

Рен (отродясь его так не звали, «Рен» это просто условное обозначение, чтобы каким-нибудь «иксом»-«игреком» не называть) вошёл в город ранним морозным утром самого первого дня третьего года нового тысячелетия. Причём действительно не прилетел и не въехал, а отдавая дань им же самим когда-то сочинённой традиции, вошёл пешком. Это на самом деле несложно устроить, если едешь междугородним автобусом: можно заранее попросить водителя высадить тебя у ближайшей к въезду в город автозаправки. Автозаправка – величайшее изобретение человечества, почти волшебное место, там можно выпить чего-то горячего даже утром первого января.

В общем, где выходить, понятно. Главное – не проспать. Но Рен умел просыпаться в нужное время, когда сам решил.

Рен вообще довольно много умел такого, что может пригодиться в пути. Например, не поскальзываться на обледеневшем асфальте, не чувствовать тяжести рюкзака и так ослепительно улыбаться, что даже дежурный на автозаправке, считавший выпавшую ему ночную новогоднюю смену почти настоящим несчастьем, чуть ли не худшей из бесконечной череды преследовавших его неудач, тоже заулыбался. И первым сказал: «С Новым годом». А залив кипятком растворимый кофе с порошковыми сливками, сам предложил незнакомцу добавить в этот гнусный напиток свой, из дома принесённый коньяк. Причём когда тот согласился принять угощение, почувствовал себя так, словно это ему самому коньяку бесплатно налили. И обняли впридачу. И твёрдо пообещали прекрасную интересную жизнь – что, кстати, чистая правда. То есть никаких обещаний дежурному, конечно, никто не давал, но жизнь у него потом и правда отличная вышла, даже немного жаль, что история не о нём. Но Рен, если что, ничего для этого специально не делал, оно так как-то само всегда получается с каждым, кто ему от сердца поможет или просто чем-нибудь угостит.

Город начинался буквально в сотне метров от автозаправки, о чём свидетельствовали дорожные указатели; впрочем, Рен и без указателей сразу понял бы, что в город вошёл. Пересечь границу между просто землёй и городом – такое же несомненное чувственное ощущение, как, к примеру, кота погладить или человека обнять.

Но поначалу встреча с городом больше всего была похожа на знакомство с огромной собакой – когда-то весёлой и добродушной, но давно потерявшей хозяина. И за годы скитаний успевшей подрастерять оптимизм и доверчивость, но, слава богу, пока не чутьё.

То есть в самый первый момент Рен почувствовал, что шерсть на загривке города встала дыбом – ты зачем, кто такой? Но уже буквально секунду спустя город обнимал Рена всем собой, огромным и сложным, а вот прямо сейчас сейчас по-детски счастливым и по-детски же страшно, до слёз обиженным: почему ты, такой прекрасный, раньше не приходил?

Потому что так получилось, – думал Рен, пока шёл по обочине междугородней трассы, постепенно превращающейся в некое подобие улицы, даже с закрытым сейчас журнальным киоском и автобусной остановкой под прозрачным пластиковым козырьком. – Я не нарочно тянул, – думал Рен, – просто не умею быть везде сразу. Когда судьба привела, тогда и пришёл.

Ладно, главное, что наконец-то пришёл, – легко согласился город, которому уже надоело прикидываться обиженным. И обнял Рена ещё крепче. Практически весь, целиком, с домами, дорогами, парками, мостами, троллейбусами и телебашней у него на шее повис, так что устоять на ногах было решительно невозможно. Рен и не устоял. Рухнул в сугроб, который уже успел превратиться в ледяную горку, но по такому случаю быстренько снова стал мягким и рыхлым, чтобы такого хорошего гостя не ушибить.

– Ну ты балда, – ласково сказал городу Рен, вылезая из сугроба и поспешно отряхивая штаны, пока насквозь не промокли. И окончательно понял, что влип, как давно уже не влипал.

Рен любил человеческие города и умел с ними ладить. Не построили ещё город, с которым бы он не нашёл общий язык. Но тут был не просто «общий язык», а натурально любовь с первого взгляда, как только в юности с ним случалось, да и то всего пару раз. С одной стороны, чистое счастье. А с другой – практически приговор. В смысле, ясно, что теперь не получится просто поиграть в своё удовольствие и отправиться дальше. Какое там дальше, допрыгался, всё! И дело не в том, что он меня теперь не отпустит, – думал Рен, совершенно размякший от его самого удивляющей нежности. – А в том, что сам же не захочу.

Рядом остановилась машина, серый фольксваген-гольф. И хмурый не то от бессонной ночи, не то просто с похмелья наголо бритый мужик средних лет сказал: «Вы же без шапки замёрзнете на хрен. И ещё с таким рюкзаком. Я на вокзал еду, хотите, могу туда подвезти».

Рен не то чтобы действительно мёрз. И идти мог хоть трое суток без остановки, разве только на перекур. Сейчас, когда они с городом только что познакомились, было бы здорово пересечь его весь пешком. Но он поблагодарил бритого и уселся в машину. Во-первых, любая игра становится интересней, когда не прёшь напролом, как решил заранее, а позволяешь обстоятельствам себя вести. А

во?вторых, просто нечестно лишать хорошего человека удачи, которую можешь, приняв его бескорыстную помощь, ему принести.

Вокзал оказался в самом центре. Рен вышел, огляделся по сторонам и пошёл по одной из улиц – просто так, без конкретной цели. А если и с целью, то ему самому пока не было известно с какой.

Здесь, в центре, город обнимал его ещё крепче, чем на окраине, хохотал просто так, от избытка чувств, щекотал слишком тёплыми для января ветрами, контрабандой притащенными из какого-то позапрошлого лета, звенел вразнобой неурочными колоколами, прыгал, как разыгравшийся пёс. Но Рена было не провести. Сразу всё понял. Ну, почти сразу, два с половиной квартала к тому моменту успел пройти. Сказал громко вслух, благо улицы были пустынны, как и положено утром первого января:

– Давай показывай, где у тебя болит.

Так на самом деле очень редко бывает – чтобы у города была своя тайная боль. Чтобы испытывать боль, городу нужно иметь совершенно особенное устройство. Быть хотя бы отчасти похожим на человека, иначе просто некому, нечем страдать. Может показаться, городов, похожих на человека, вообще не бывает, однако ещё как бывают! Хотя мало конечно, на пальцах их можно пересчитать.

Город сперва замер, умолк, даже каким-то образом отвернулся, был бы человеком, сейчас то ли драться полез бы, то ли просто пустился бежать. Но буквально секунду спустя передумал сердиться и снова полез обниматься. Ты и это про меня уже понял? И всё равно не уедешь? Будешь со мной дружить? Ты самый прекрасный в мире, я это точно знаю. Ты пришёл специально, чтобы меня спасти?

Ну, на самом деле, не то чтобы специально. Скорее наоборот – в надежде, что в кои-то веки никого ни от чего спасать не придётся, можно будет просто весело погулять.

Ладно, не с моим счастьем, – беспечно подумал Рен. Сунул руки в карманы, потому что без контрабандного тёплого ветра из позапрошлого лета они начали явственно зябнуть, боднул по-кошачьи ближайший тополь – легонько, просто чтобы разрядить обстановку. Сказал:

– И дружить буду, и спасать буду. Куда я от тебя теперь денусь. Давай, веди.

* * *

Возле старинного трёхэтажного дома, в самом начале улицы – ну, предположим, Башенной, надо же как-то её называть – слишком крепкого, чтобы превратиться в руины, но слишком ветхого, чтобы в нём могли жить, Рен некоторое время молча стоял, внимательно прислушиваясь к источнику боли, которую теперь и сам ощущал. Без этого удовольствия он бы с радостью обошёлся, но пока не почувствуешь боль, и причины её не поймёшь.

Наконец Рен сел на ступеньку, ведущую в одну из парадных, схватился руками за голову, пробормотал:

– Блин. Только не это. Пристрелите меня. Ну я попал. – И спросил сердито и ласково, как спрашивают только любимых, сдуру попавших в большую беду: – Как с тобой такое могло случиться? Ты где этот гадский ужас взял?

Город повёл себя настолько по-человечески, что даже смешно – сперва отмалчивался, типа знать ничего не знаю, оно тут само завелось. Потом попытался силой увести гостя из проклятого места: это моя боль, мои проблемы, я привык, я справляюсь, не надо тебе. Но с Реном договориться легко, только когда он сам этого хочет. А во всех остальных случаях – без вариантов вообще.

– Ладно тебе, – сказал Рен. – Ничего мне не сделается. И на край света я от тебя не сбегу. За кого ты меня вообще принимаешь? Нормально всё будет. Знаю я это зло. И что с ним делать, знаю… примерно. Чего не знаю, пойму на ходу. Просто я почему удивляюсь – эта дрянь обычно только к людям цепляется. К самым лучшим из них, но всё-таки к людям. Не к городам.

* * *

Рен и правда знал это зло. И имел на него даже не просто зуб, а сотню клыков-кинжалов, которые, впрочем, до сих пор так и не отрастил, хотя мог бы, теоретически. Но это была бы уже совершенно другая, далеко не настолько весёлая и беззаботная жизнь.

Это древнее зло – Рен нарочно не узнавал его настоящего имени, вот ещё, больно честь велика – всегда выбирает лучших из лучших, самых сильных, весёлых и вдохновенных, мечтающих об удивительных чудесах. Втирается к ним в доверие, шепчет что-то невразумительное смутно знакомым голосом, сулит великую участь и возвращение в сокровенный далёкий дом; человеку открытому и неопытному перепутать его с настоящим чудом очень легко. Постепенно зло становится тайным другом, селится в сердце, кормится любовью и радостью, а от этого сердце начинает мертветь. И что бы такой несчастный ни делал, как бы ни рвался изменить своё положение, вернуть себе радость, всё тщетно, всё рассыпается прахом, только множит тоску, отвращает, а то и губит близких и лучших друзей.

Рен таких бедолаг не раз на своём веку встречал, но всегда слишком поздно, когда спасать было толком некого, от сердца уже практически ничего не осталось, да и от самого человека – только обозлённая на весь мир бледная тень. Но город – совершенно другое дело, у города сердце огромное, быстро с таким не расправишься. И это ему повезло.

– Я всегда хотел, – сказал ему город практически человеческими словами, по крайней мере, для Рена они звучали именно так, – чтобы у меня тут жили не только люди и старые духи леса, но и настоящие волшебные феи, и джинны, как в человеческих сказках, и всякие демоны, и падшие ангелы, а можно даже не падшие, я носом крутить не стану, любым буду рад. Современные люди считают, что ни фей, ни джиннов, ни демонов не бывает, но я так рассуждаю: когда о ком-то столько историй рассказывают, он точно хоть где-то, да есть. И если так, почему бы феям, джиннам и демонам не поселиться вот прямо здесь? Со мной хорошо! Я же прекрасный, правда?

– Да просто отличный, – подтвердил Рен. – Лучше всех городов на земле.

– Я тоже думал, что лучше всех в мире. Где ещё и жить волшебным существам, если не у меня? Поэтому я верил, надеялся и очень их ждал. И однажды ко мне

пришли такие… такие прекрасные! То есть мне сперва показалось, как будто они прекрасные, а на самом деле не очень-то. Но мне же сравнивать было не с чем, в жизни ничего подобного не встречал, – объяснял ему город, путаясь, сбиваясь с пятого на десятое, но по-прежнему вполне человеческими словами, всё-таки удивительно, как он выучился говорить. – Пришли и сказали… да много чего сказали! И я им поверил. Я всё перепутал, ошибся, влип. Но я нечаянно! Просто здесь ещё никогда ангелы, джинны и феи не жили, откуда мне было знать, какие на самом деле они?

Оказалось, этот город не только говорить, но и плакать умеет. Да просто как девчонка реветь! Впрочем, плакал город не собственным деревянным-бетонным-каменным телом, а слезами живущих в окрестных кварталах людей. Нечего сказать, весёленькое у некоторых выдалось утро первого января! – сочувственно думал Рен, пока гладил город по растрескавшемуся тротуару, как ребёнка по голове.

* * *

– Бестолочь ты, – наконец сказал Рен. – Самая прекрасная в мире бестолочь. Хуже человеческого ребёнка. Джиннов с феями ему подавай! Ладно, не горюй, всё будет нормально. Когда-нибудь – точно будет! Но первый шаг надо сделать прямо сейчас.

С этими словами он поднялся со ступеньки, на которой сидел, и вошёл в дом. Не особо хотелось близко знакомиться с засевшим там злом, но ничего не поделаешь, надо так надо. Пришлось нанести визит.

Что на Рена в этом доме обрушилось, описать словами не то чтобы невозможно. На самом деле ещё как возможно. Но я не очень хочу. Нет никакой пользы в том, чтобы лишний раз убедительно описывать страшную муку, сумму физической боли сердца, словно бы пронзённого ржавой иглой, и душевной боли сознания, сокрушённого полной уверенностью в тщетности любого усилия – что ни сделай, только ещё худших бед натворишь.

Ну ни фига себе какой стойкий город! – изумился Рен. – Невзирая на весь этот ужас, полон жизни, прыгает, вселится, с каждым встречным хочет играть и дружить. Не влюбился бы в него практически с первого взгляда, ещё в том дурацком сугробе, это случилось бы прямо сейчас.

Однако Рен не затем зашёл в заброшенный дом, в силу стечения каких-то неведомых обстоятельств ставший израненным сердцем города, чтобы ещё больше – куда уж больше-то?! – его полюбить. А чтобы проверить одну гипотезу, которая даже по его меркам была вполне фантастической. Но подобные дела именно фантастическими способами и улаживаются. А как ещё.

Актёр из Рена был так себе, никогда не умел вживаться в чужие роли, ему больше нравилось оставаться собой, чем притворяться кем-то другим. Но тут уж пришлось постараться, вообразить себя наивным мечтателем, случайно попавшим в тайное убежище добрых фей, восхищённо всплеснуть ладонями, ахнуть: «Какое чудесное место! Здесь живут прекрасные волшебные существа!» И явственно ощутить, как хищники, грызущие сердце города, приходят в смятение, причём не пугаются, а радостно, хоть и недоверчиво удивляются, как некрасивая девица, которой внезапно на улице сделали комплимент. Даже боль, раздиравшая сердце города, в этот момент утихла. Почти ушла.

Это продолжалось буквально секунду; дольше и не могло, потому что Рен, как уже сказано выше, был слишком плохим актёром. Никогда не умел заиграться настолько, чтобы поверить собственной выдумке, забыв всё, что знал. Но и секунды ему хватило, чтобы убедиться: метод работает. Надо же, сам не верил, а он работает! Тем лучше. Моя взяла.

– Не горюй, моя радость, всё у нас будет отлично, – сказал Рен получасом позже, удобно расположившись в уединённом укромном месте, этакой дырке в кармане реальности, куда никто никогда не придёт.

Рен любил и умел находить такие прорехи везде, где бы ни оказался, можно сказать, коллекцию собирал. Но этот маленький двор, зажатый между тремя жилыми домами, город сам ему подсказал. Практически за руку сюда притащил, подгоняя в спину стылым январским ветром: давай, пошли, есть тут одно местечко, хорошо посидим!

В этой конкретной дырке было тепло – не как летом, примерно как в октябре. Здесь, собственно, и был октябрь – крошечный лоскуток какого-то давнего октября, зацепившийся за проволочную ограду и оставшийся навсегда. На фоне глухой, без окон кирпичной стены алели листья дикого винограда, у забора доцветал розовый куст, а из влажной земли победоносно пробивалась наглая

зелень юной бессмертной травы.

Звучит не особо правдоподобно, это я понимаю. Но на самом деле в нашей истории это наименее удивительная деталь. Подобные закутки, неподвластные времени и стихиям, вполне обычная штука, такие есть во всех городах. А что почти никто почти никогда туда не заходит, вполне объяснимо: даже люди свои секреты не всем подряд открывают, а только самым близким друзьям.

– Я уже знаю, что делать, – сказал Рен. – Главное, даже своими руками убивать никого не придётся. Приятный сюрприз!

Город с явственным облегчением выдохнул – дымом из всех своих печных труб. В этом выдохе Рен услышал: «Хорошо, что не надо, а то мне уже давным-давно надоели убийства. От них у меня настроение так сильно портится, что лучше бы вовсе не строили никогда. Но людям почему-то очень нравится друг друга мучить и убивать».

– Ну, предположим, не всем, – заметил Рен. – И это отличная новость. Если бы всем подряд, я бы, пожалуй, не стал гулять по городам, которые ими построены. И никогда не пришёл бы сюда, а это уже ни в какие ворота. Какой вообще смысл жить, если не встретить тебя?

На самом деле Рен, хоть и был влюблён по уши, так не думал. Смысл всегда есть. Один утратишь, сразу другой найдётся, с которым ещё интересней жить. Но Рен решил не скупиться на комплименты. Городу, у которого так сильно болит сердце, не повредит даже самая грубая лесть.

Всё правильно сделал. Услышав, что жизнь без него не имеет смысла, город пришёл в такой неподдельный восторг, что всем оставшимся в нём зимовать птицам пришлось по его команде бросить свои дела, взлететь над черепичными крышами и несколько минут кряду торжествующе громко орать.

Впрочем, птицам такие встряски только на пользу. А уж городу как на пользу, нечего и говорить. Рен мысленно поставил себе пятёрку по поведению и сделал приписку на память: «Как можно чаще немилосердно, беспардонно хвалить».

– Выпить нам с тобой сейчас точно не помешает, – заключил Рен. – Оно, конечно, немножко нечестно по отношению к местным законам природы, но, может,

плюнешь на них и устроишь, чтобы мне по винным лавкам полдня не бегать, а прямо здесь, не сходя с места, что-нибудь этакое найти?

Ещё не договорив, увидел, как в траве блеснуло стекло. Нагнулся, поднял бутылку. Разглядев этикетку – коллекционный кальвадос шестьдесят пятого года! – присвистнул:

– Ну ты даёшь!

– Она у жильца соседнего дома в буфете стояла, я просто взял, что близко лежит, – скромно заметил город настолько человеческим голосом, что даже Рен, на своём веку много чего навидавшийся, невольно начал оглядываться – кого ещё сюда принесло?

– В общем, что с твоим сердцем делать, мне уже примерно понятно. Но один я с этой работой не справлюсь, – признался Рен, сделав первый глоток. – Помощь нужна. Осталось понять, кого надо брать в помощники и где нам с тобой их искать.

Отпил ещё, ненадолго задумался, наконец рассмеялся и объявил:

– Нам с тобой совершенно точно помогут девчонки. Девчонки – страшная сила, всегда надо ставить на них! Ты же любишь девчонок?

– Ещё бы! – воскликнул город голосами примерно десяти тысяч жителей, остальным как-то удалось от участия в хоровом выступлении откосить. И, спохватившись, поспешно добавил уже своим собственным, никому кроме Рена не слышным голосом: – Но тебя я люблю гораздо больше, чем их!

– Да я не особо ревнивый, – улыбнулся Рен, снова прикладываясь к бутылке. – Надеюсь, ты тоже, потому что девчонок, знаешь, и я люблю.

– Быстро, конечно, не будет, – сказал Рен, решительно отставив в сторону опустевшую примерно на четверть бутылку и достав из рюкзака небольшой котелок, склянку с какой-то прозрачной жидкостью (вполне возможно, кто его

знает, просто водой) и кожаный мешочек, туго набитый неведомо чем.

– Это дело займёт много лет, – признался Рен, высыпая в котёл из мешка какие-то высушенные травы, сверкающие кристаллы, разноцветные пуговицы, камни, макароны в виде букв кириллического алфавита, несколько мелких, возможно, птичьих костей, горсть песка и ещё какие-то ингредиенты, настолько причудливые, что я уже и не знаю, какими словами можно их описать.

– Но нам и не надо быстро, – заключил Рен. – Куда торопиться? Отлично эти годы мы с тобой проведём.

– Быстро не надо, – согласился с ним город, взволнованно дребезжа всеми своими оконными стёклами. – Живи тут долго, пожалуйста. А лучше – вообще всегда!

Рен не стал признаваться, что слово «всегда» не из его лексикона. Ничего не бывает всегда. Вместо этого он объяснил:

– Буду варить себе новую жизнь. На этом этапе работы мне надо стать человеком. Иначе – никак.

– Ой! – сказал город, да так громко, что зазвенело в ушах. – Прям человеком? Совсем-совсем настоящим? А может, лучше не надо? Тебе не понравится. Такая жертва ради меня?

– Да ради тебя я бы даже драным помойным котом пару жизней прожить согласился, – ответил Рен, который на самом деле считал, что кот, пусть даже помойный, шикарная, исключительная судьба.

– Я же всё равно с самого начала собирался здесь пожить человеком, – добавил он. – Видишь, даже специальный котёл для зелья с собой притащил. Правда, я планировал быть счастливым бездельником и практически непрерывно кутить. Но по сути, какая разница? Я люблю всякую жизнь… Слушай, а давай ты огонь раздобудешь? У меня есть целых три зажигалки, но на твоём огне, я уверен, сварится совсем уж обалденная жизнь.

– Я огонь не умею, – огорчился город. Но в руке Рена тут же откуда-то появилась пылающая свеча. Новогодняя, в виде зелёной ёлки. Получилось смешно.

– Да всё ты умеешь, балда, – ласково сказал Рен городу, поджигая зелёной свечой туристическую газовую горелку, которую тоже вынул из рюкзака. – Просто пока об этом не знаешь. Но это нормально, я и сам примерно такой.

* * *

Зелье в котле, меж тем, закипело и забулькало так угрожающе, словно Рен собирался, выпив его, превратиться не в нормального человека, а в целый полк до зубов вооружённых вояк. В каком-то смысле оно, конечно, именно так и было. Но всё равно совершенно не так!

Город, взволнованный происходящим, окружил Рена всем собой сразу, так что тому стало спокойно, весело и очень тепло. Захотелось лечь прямо тут, на юной осенней траве, свернувшись калачиком, и хотя бы на тысячу лет уснуть. И одновременно, экстатически выкрикивая несуществующие заклинания, куда-то стремглав убежать. Но Рен этим противоречивым желаниям не поддавался, сохранял стойкость. Какие могут быть «уснуть» и «бежать», когда котёл кипит на огне.

– Что ты точно умеешь лучше всех в мире, так это обниматься. Натурально же сводишь с ума, – одобрительно сказал он городу. И добавил: – Ты за меня не волнуйся. Я совсем настоящим человеком не стану, считай, просто новую шкуру надену. Сам подумай, ну какой из меня человек? Ты только смотри, обнимайся каждый день со мной-человеком, это самое главное. И разговаривай, как сегодня. И заводи во всякие удивительные места. Иначе я не согласен. В конце концов, эта новая жизнь – только ради тебя.

Город не то чтобы вовсе его не слушал – слушал, но невнимательно, как отличники-эрудиты слушают школьных учителей, обстоятельно объясняющих банальные вещи, которые понятны и так. Дескать, куда я теперь от тебя денусь? Да и зачем мне куда-то деваться? Я что, дурак? Ты лучше дай попробовать, что у тебя получилось. Какая на вкус твоя новая жизнь? Слышишь, эй, дай мне попробовать! – волновался он. И наконец крикнул хриплым голосом старого пьяницы, затеявшего ссору где-то в квартале отсюда: «Дай выпить! Выпить мне дай!»

– Своими жителями ты, конечно, здорово разговариваешь, – заметил Рен. – Грамотный подход! Другие города так почему-то не делают. Уверен, им просто в голову не пришло.

Но городу его комплименты были до лампочки. Сейчас его внимание целиком занимало волшебное зелье в котле.

– Вообще-то я с тобой не собирался делиться, – признался Рен. – Мне для тебя ничего не жалко, просто городам такого зелья не надо, зачем вам человеческая судьба? Но теперь, знаешь, думаю, а почему бы не поделиться? Чем чёрт не шутит, вдруг и правда, пойдёт тебе впрок. Если уж боль у тебя человеческая, может, моё колдовство поможет её терпеть? И в моей новой жизни останется больше места для меня самого. Да и слушай, ты просто такой отличный, что мне будет приятно свою новую жизнь с тобой разделить.

С этими словами Рен зачерпнул из котла походной эмалированной кружкой немного волшебного зелья и не вылил, а выплеснул, с силой взмахнув рукой вверх и вбок:

– Вот тебе, пей!

Остальное налил себе; кружка вышла немного неполная, то есть не до самых краёв. Выпил свою новую жизнь не то чтобы залпом, но быстро, не отрываясь, пока не остыла: жизнь должна быть горячая. А сделав последний глоток, поставил чашку на стол и громко сказал: «Спасибо за кофе», – вероятно, себе, потому что сам же его перед этим сварил.

2. Роман

Роман (отродясь его так не звали, просто для связности повествования нужно хоть какое-то имя, а «Роман», с учётом контекста, хороший, смешной вариант) встал со стула, на котором сидел, и пошёл на кухню варить добавку. И заодно чашку помыть.

Голова была не просто квадратная, как у всех добрых людей с похмелья, а гораздо более сложной формы. Квазиромбокубооктаэдр, например. Этот чёртов квазиромбокубооктаэдр не то что всерьёз болел, но довольно противно ныл всеми своими углами и гранями. И ни черта не помнил – что вообще было-то? Как я вернулся, откуда? – и туго соображал. Но Роман умел игнорировать неудобства, обусловленные капризами вздорного организма, и власти им над собой не давать. Он вообще довольно много умел такого, что может пригодиться в непростые моменты. Например, утром, которое не столько для, сколько на тебя наступило в час пополудни первого января.

Здравствуй, жопа, новый год, это видимо так называется, – весело думал Роман, включая электрическую конфорку под джезвой и, чтобы мало не показалось, настежь распахивая окно. Высунулся почти по пояс, вдохнул сладкий морозный воздух, горький запах печного дыма из соседской трубы, получил оплеуху от неуместно тёплого ветра, словно бы прилетевшего из минувшего лета, сразу вспомнил, как кутил с этим ветром в обнимку нынче утром в потаённом дворе, и рассмеялся: ай, ёлки, ну понятно теперь!

Добавочный кофе пил всё тем же квазиромбокубооктаэдром, куда от него деваться, но уже в более-менее ясном, почти что своём уме. Думал: вот интересно, почему каждая новая жизнь обязательно начинается с помрачения разума? Сейчас-то нормально, практически сразу очнулся, а раньше на это куча времени уходила; с одной стороны, вполне себе приключение, а с другой, ну его к чёрту. Пару раз, было дело, годами жил, не зная ничего о себе.

Неужели помрачение – совершенно неизбежная плата за вход в человечью жизнь? – думал Роман, стоя на сквозняке, как под душем, хотя человека, это он помнил, всё-таки лучше мыть не ветром, а горячей водой. – Или просто с моим рецептом что-то неладно? Надо будет потом его внимательно пересмотреть. Может, надо что-то убрать или добавить? Или снимать пораньше? Или напротив, подольше держать на огне? Ладно, в любом случае это не срочно. Человеческой головой ответ всё равно не найдёшь.

Так пока и не вспомнил, что у него за задача, но был твёрдо уверен, что она существует, точно не только развлечения ради решил здесь пожить. Особо на эту тему не парился, он был уже опытный. И по опыту знал, что память о

поставленной цели или сама в ближайшее время вернётся, или потом окажется, что в этом конкретном деле она была не нужна.

Осмотрев квартиру, в которой очнулся, раскиданные по ней гаджеты и свой гардероб, сделал вывод, что новую жизнь можно считать хорошо приготовленной – в том смысле, что в поте лица бороться за выживание не придётся. Не в ближайшее время, скажем так. Оно, конечно, не то что великое чудо, а просто нормально: когда сам варишь себе новую жизнь, вряд ли станешь нарочно делать её неприятной. Но, во?первых, не всё поддаётся контролю, во?вторых, бывают такие непростые дела, которые требуют суровых условий существования, а в?третьих, иногда просто вожжа под хвост попадает, и приходит дурная идея себя испытать.

Ясно было, что если уж устроил себе новую жизнь, то сделал это, прежде всего, ради города, где оказался. Дружить и крутить любовь с городами в роли настоящего горожанина – особый, ни с чем не сравнимый кайф. Ну, скажем так, почти настоящего. От некоторых своих преимуществ отказываться ищи дурака.

А жить в городе, – думал Роман, засовывая ногу в штанину, – прежде всего означает гулять по городу. Всюду ходить-бродить. Вдыхать его запахи, заглядывать в окна, пробовать угощения, слушать его голоса.

В общем, что делать прямо сейчас, понятно. Чего уж тут непонятного. Родился – иди гулять.

Уже в коридоре вспомнил и содрогнулся: я же в этой жизни кто-то известный. Сам, своими руками для этого специальные пряности в зелье кидал. Вроде, для дела так надо, но всё равно, какой ужас! Надеюсь, я хотя бы не рок-звезда?

На всякий случай тут же проверил. Нашёл свои документы, вошёл в интернет, ввёл имя-фамилию в поиск, изучил информацию, с облегчением выдохнул: всего лишь писатель. К тому же известный не здесь, а в другой стране, откуда, судя по штампам в паспорте, совсем недавно приехал. Ну слава богу, папарацци под дверью явно не плачут, можно смело выходить из дома без вуали и тёмных очков.

Пока спускался по лестнице с третьего этажа, вспомнил, зачем он в этой жизни писатель – пока без подробностей, только в общих чертах. Подумал: хорошо, что уже известный. Это сэкономит мне много лет и усилий. Не надо искать издателя и делать карьеру, заниматься бессмысленной технической ерундой. Можно сразу, без предварительной подготовки браться за дело… как только пойму, в чём там была фишка и с какого бока лучше к нему подойти.

Но когда он вышел из дома на улицу, в неприветливый, пасмурный и морозный январский день, один из тех, что, вроде бы, доброго слова не стоят, все дела – настоящие, прошлые, будущие, человеческие и волшебные – разом вылетели из головы, потому что город честно выполнил свою часть договора, всем собой его сразу обнял. И тогда тот, кого мы условно называем Романом (ну смешно же – писатель «Роман»), окончательно понял (он всякий раз понимал это заново, как впервые), зачем нужна вся эта возня с человечьими жизнями, почему ему недостаточно просто так путешествовать по городам. Трудно перевести это звонкое от полноты понимание на язык, состоящий из слов, но коротко говоря, ради острого ощущения невозможного чуда, которое иначе не испытать.

– Эй, – сказал он вслух, благо улица была совершенно пустынна, – признавайся, что ты добавляешь в свой воздух? Какие приворотные руны чертишь трещинами на тротуарах? Что творишь? Почему я тебя так люблю?

Ответом стало до смешного достоверное ощущение, будто его взяли на руки и понесли. Хотя, с точки зрения стороннего наблюдателя, писатель Роман просто быстро шагал по улице, педантично касаясь ногами земли.

* * *

Дал себе волю, гулял до позднего вечера. То и дело сворачивал в бары, потому что это тоже способ знакомиться, но на морозе совсем не пьянел, только настроение поднималось, хотя казалось, куда ещё.

Это его настроение ощущали даже посторонние люди, их как магнитом тянуло к нему. Девушки улыбались, чужие дети висли на шее, бармены порывались бесплатно чем-нибудь угостить, хмельные незнакомцы наперебой предлагали немедленно с ними выпить и о жизни поговорить. Ни от чего не отказывался,

помнил, что приносит удачу. А возможность всегда ответственность: можешь – вот и делай давай.

К нежилому трёхэтажному дому на Башенной улице писатель Роман пришёл примерно за час до полуночи, когда мир уже так привык к темноте, словно дня и не было, и не будет, «солнце» – просто странное слово, фантазия, а свет бывает только от фонарей.

Боли на этот раз не почувствовал, только настроение заметно испортилось. Но с учётом того, насколько оно весь день было восторженное, невелик ущерб, не о чем говорить. В этом смысле «человек» – довольно удобная конструкция, почти совершенно бесчувственная, кого в неё ни засунь. И это далеко не всегда недостаток. К сожалению, нет.

В дом заходить не стал, поскольку трезво оценивал силы совсем ещё нового человека-себя – на бесстрашие их хватает, но это не означает, что хватит и на войну.

Сел на ступеньку парадного входа, где ещё нынче утром всем собой настоящим сидел. Это резко улучшило настроение. Хорошая всё-таки штука – слабым временным телом вступить в свою вечную тень.

Сказал вслух:

– Эй вы там, волшебные феи, джинны и падшие ангелы, завяжите бантиком хвосты![1 - Здесь явно цитата из цикла Туве Янссон про Муми-троллей, герои которого поют песенку „Эй, зверятки, завяжите бантиком хвосты“.] И не сцыте. Нормально всё будет. Ну или не особо нормально. Поглядим.

Он нарочно дразнился, в смысле, не для собственного удовольствия, а чтобы облегчить городу жизнь. Когда над злом насмехаются без опаски и трепета, израненное им сердце хоть немного, да меньше болит.

Даже человеческим телом почувствовал, как хищники замерли. Растерялись, ослабили хватку, перестали яростно грызть. Подумал: отлично, работает. Ах вы

нежные зайки! Придётся теперь каждый день приходить над вами смеяться. Ладно, это не работа, а удовольствие. Вообще не вопрос.

Отвернулся от двери парадной и увидел, что на соседней ступеньке стоит бутылка, примерно наполовину полная (не наполовину пустая, писатель Роман, как и Рен – оптимист).

Разглядел в темноте этикетку: надо же, не дешёвая бормотуха, а какой-то непростой кальвадос. Коллекционный, шестьдесят пятого года здешнего прошлого века. Тот самый, значит, ясно с ним всё.

– Ну ты даёшь! – восхищённо сказал он городу. – Законы природы нервно курят в коридоре… ну, предположим, затмений. Нормальное место для перекура, чего. Короче, ты лучше всех в мире. Нахал, беспредельщик, бестолочь. Даже из тех, каких не бывает, самый крутой.

Сделал глоток, небольшой, просто чтобы показать, насколько рад угощению, типа невозможно терпеть. И мгновенно – вкусы и запахи часто так действуют – то ли вспомнил в подробностях придуманный утром план, то ли просто заново его изобрёл.

План, изобретённый человеческой головой, тем и хорош, что его вполне можно пересказать человеческими словами. Звучит всё равно абсурдно, но главное – наконец-то хоть как-то звучит!

Коротко говоря, план заключался в том, что клин вышибают клином. Если древнее зло всегда подбирается к жертве, прикинувшись радостным чудом, значит, хочет быть этим чудом, просто не умеет им стать. Потому и грызёт потом так беспощадно свою несчастную жертву: мстит, что не смогла своей любовью и верой его превратить. Но это, конечно, легче сказать, чем сделать, поди одной только наивной верой измени природу древнего зла. На такое никому сил не хватит, ни человеку, ни даже целому городу – пока он один. Потому и говорил поутру, что понадобятся помощники. Очень много помощников; сколько – чёрт его знает, конечно. Может, нескольких сотен хватит, а может, ста тысяч окажется недостаточно. Ладно, чего зря гадать, поглядим.

Сидел на ступеньке дома, где притаилось древнее зло, вот прямо сейчас присмиревшее, не то от его насмешек, не то от того, что впервые за всю свою тяжкую вечность встретило настолько полное понимание. И ощутило… а что оно, собственно, ощутило? Может, надежду? Было бы круто, если и правда её. Зло, которое способно надеяться хоть на какое-то условное «лучшее», не такое уж великое зло.

Ладно, – подумал Роман, – надеется оно или просто боится, я пойму когда-нибудь позже. Ну или не пойму никогда. Важно сейчас не это, а то, что никакое лютое зло оставаться собой не сможет, если достаточно много народу будет считать его прекрасным, волшебным, самым добрым в мире добром.

Взял бутылку и пошёл по направлению к дому. По дороге понемногу всё и прикончил – пока не зло, кальвадос. Прежде, чем выкинуть пустую бутылку в урну, поцеловал её в ледяное стеклянное горлышко – всё-таки самое первое настоящее чудо, которое с ним-человеком в новой жизни произошло. И услышал, как кто-то поблизости говорит насмешливым баритоном:

– Ничего себе у тебя закидоны – целоваться с холодным стеклом!

Голос звучал настолько по-человечески, что Роман сперва огляделся по сторонам и только потом сообразил, что это город так дразнится. Совершенно настоящим человеческим голосом! Который можно услышать ушами! Ну и дела.

– Сам же дал мне отпить человеческой жизни, которую для себя варил, – объяснил ему город. – Жалко, её не хватает, чтобы тоже в кого-нибудь превратиться и человеческими ногами по собственным улицам погулять. Но зато я теперь могу совсем настоящим человеческим голосом разговаривать. Здорово получилось! Раньше меня мало кто слышал, а теперь практически с кем угодно могу говорить. Я уже с кучей народу сегодня здоровался и вежливо спрашивал, как дела. Правда, они почему-то пугаются. Некоторые даже начинают креститься, словно я какая-то зловещая сказочная сатана. Это так удивительно! Совершенно необъяснимо. Но мне всё равно понравилось. Смешная игра – всех пугать!

Сказал с бесконечной нежностью, которая непонятно откуда взялась в человеческом теле, до сих пор был уверен, этой штуке настолько сильные

чувства не по плечу:

– Надо же, какие странные люди. Почему-то пугаются! Незнакомого голоса, который неизвестно откуда звучит. Вот уж действительно удивительно. Совершенно необъяснимо! Никому никогда не понять.

– Это «сарказм» называется, – укоризненно заметил голос. – Высшая степень иронии, что-то там, бу-бу-бу. Думал, не догадаюсь? А я, между прочим, умный. У меня даже есть университет!

В первый год писатель Роман за работу толком так и не взялся. Официальная версия – «собирал материал». Но он и сам понимал, что это просто отмазка для бьющего копытом издателя, появившегося в его новой жизни вместе с кучей других коллег и просто знакомых, которые тоже невесть откуда взялись.

Сколько раз уже варил себе жизни, столько раз удивлялся, что к каждой из них непременно прилагаются совершенно обычные люди, которых ты якобы издавна знал. Часто думал: интересно, что они сами чувствуют? Неужели не спрашивают себя, откуда я взялся? Так уверенно помнят несуществующие события, что ни на секунду не сомневаются в них?

Впрочем, сам никого никогда не расспрашивал, чтобы не порвать эти ему самому непонятные хрупкие связи и с ума никого нечаянно не свести.

* * *

В общем, в первый год он почти ничего не делал. Просто не мог за работу себя усадить. Жизнь в городе-друге не прибавляет усидчивости, наоборот, от любых трудов отвратит.

Выйдешь из дома на четверть часа, предположим, за хлебом, а он сразу такой: «Привет! Где тебя всё утро черти носили? Или наоборот, не носили, а держали в плену? У меня, между прочим, ярмарка на центральном проспекте, сам не понял, откуда она взялась. И три новых дерева выросли прямо на крышах, из черепицы, это же считается чудом, да? А одна смешная девчонка фиалки в старый солдатский сапог посадила, и теперь у неё во дворе вместо клумбы цветёт

сапог! А прямо с утра в туалете привокзальной пивной один человек повесился; между прочим, отличный мужик, когда-то был концертмейстером, а потом крепко запил, никакого сладу не стало с ним. Так вот, сегодня с утра он повесился на подтяжках, зелёных с кленовыми листьями, шикарная штука, ты такие видел вообще? Здорово получилось, был бы сам человеком, только на таких бы и вешался, все пивные бы с этим номером обошёл. Но ты, смотри, никогда так не делай, а то вдруг потом не воскреснешь, и я без тебя загрущу. Ещё я сегодня понял, что нам тут срочно нужны драконы. Увидел на киноафише, красивые – обалдеть! Шикарно будет смотреться, когда такое драконище с утра пораньше выползет на какой-нибудь цветущий бульвар! Короче, хочу дракона. Ты случайно не знаешь, где их берут?.. Как – не приживутся? Почему это – нечем кормить? Они же вроде огнём питаются, так я просто устрою побольше пожаров, у меня как раз много деревянных домов. Да ну тебя, почему сразу «ни в коем случае»? Целиком-то небось не сгорю».

И это только начало, наговориться с этим городом невозможно, у него всегда полно нелепых историй и абсурдных идей. Слово за слово, чашка кофе, рюмка чего-то покрепче, и вот уже глубокая ночь, а ты в каком-то овраге, откуда чёрт разберёт, как ещё выбираться, сидишь совершенно счастливый на голой земле. И город, аккуратно поддерживая тебя корнями столетних деревьев и крайне бесцеремонно подпихивая невидимым, но явственно ощутимым коленом, смеётся, пока ты карабкаешься по склону: «Говорил же, не превращайся ты в человека! Люди дурацкие, они не умеют летать».

Короче, где-то год писатель Роман вовсю наслаждался своей новенькой человеческой жизнью. Даже немного больше, до следующей весны. Но в апреле наконец спохватился: спешить, конечно, особо некуда, мы с городом славно проводим время, но сердце-то у него как болело, так и болит. И чувствительным людям здесь, кстати, живётся… ну, скажем так, удовольствие на любителя. Кто до сих пор не повесился на подтяжках, уже молодец.

Взял себя в руки и засел за работу, как настоящий писатель, всерьёз. Город, конечно, с утра до ночи дёргал его за рукава и штанины, звал гулять, соблазнял цветущими сливами и новыми ресторанами, даже пару воздушных шаров, настоящих пассажирских, с корзинами, неизвестно где беспардонно стырил и в небо над собой запустил. Но после того, как Роман наконец догадался предложить ему вместе придумывать книжку, прогулки стали частью работы. Оказалось, говорящий город – идеальный соавтор. Никто во всём мире таких

историй не сочинит!

* * *

Осенью писатель Роман закончил свой (на самом деле их с городом общий) первый роман в жанре, который принято называть «Urban fantasy» – это когда в совершенно обыденной обстановке начинают беспардонно случаться всякие невероятные чудеса.

Книга повествовала о том, как в заброшенном доме на Башенной улице завелись волшебные существа. Для начала – четыре штуки: блудный эльф, всю жизнь мечтавший о путешествиях и однажды покинувший отчий холм; демон мести в глубокой депрессии, что называется, выгорел на работе, на кровищу больше смотреть не мог; джинн, по приговору царя Соломона до конца времён заключённый в сосуд, сдуру разбитый каким-то криворуким балбесом, и не столько обрадованный, сколько до крайности озадаченный таким поворотом судьбы; падший ангел, который в жизни не ссорился ни с какими богами, просто был таким неуклюжим, что совершенно случайно, просто споткнувшись об облако, с неба на землю упал. Все четверо были редкостные красавчики с крайне непростыми характерами – в жизни таких хочется пристрелить примерно на пятой минуте знакомства, зато очень легко и приятно заочно любить. Особенно когда читаешь книжку, где подробно описано, как они одновременно, хоть и по разным причинам решили поселиться в одном и том же прекрасном городе и, не сговариваясь, выбрали себе для жизни некий заброшенный дом. Живут там в соседних подъездах, ссорятся, мирятся, снова вусмерть ругаются, но неизменно защищают друг друга и всех, кто случайно подвернётся под руку, от разнообразных лютых врагов. А ещё влюбляются в местных речных русалок и обычных девчонок, напиваются с горя, когда плохо идут дела, обсуждают страшные тайны вселенной и проблемы, близкие всем подросткам, регулярно кого-то спасают и просто так, чтобы скучно не стало, колдуют, каждый на свой манер, так что жизнь простых горожан постепенно становится фантастическим приключением, никто от чудес не отвертится. Вышел из дома в удачный момент – получи.

Словом, отличная получилась история об удивительном городе, четверых волшебных друзьях, их фантастических приключениях и вполне себе человеческих сердечных делах.

– Девчонкам точно понравится. Герои – такие герои! И красавчики. И волшебники. И такие же нелепые дураки, как самые лучшие люди примерно в семнадцать лет, – говорил Роман, сидя на ступеньке крыльца дома-больного сердца, куда специально пришёл для обязательных ежедневных насмешек над злом.

– А девчонки – именно то, что нам надо, – на этом месте Роман так ослепительно улыбнулся, словно неведомые девчонки, сверкая худыми коленками, уже выходили из-за угла. – И безоглядно любить, и страстно мечтать умеют. И верить в совсем невозможное, при условии, что оно хотя бы теоретически способно на них жениться. Девчонки – страшная сила, тайная сладкая соль этой смешной земли.

– Между прочим, мальчишки тоже бывают отличные, – заметил город. Не ради торжества равноправия, а просто потому, что спорить ужасно любил.

– Отличные – не то слово, – легко согласился Роман. – Но крайне редко влюбляются в чужие фантазии, им хватает своих. Короче, мальчишки – народ практичный, перед ними настоящей, неиллюзорной задницей лучше крутить.

Отправил роман издателю и в тот же вечер напился на радостях. С соавтором, в смысле, с городом, с кем же ещё. Когда живёшь не рядом, а прямо в любимом друге, который тебя окружает со всех сторон, других близких друзей, каким бы ни был общительным, особо не заведёшь.

Купил десяток бутылок тёмного пиратского рома, так что в начале прогулки рюкзак с угощением еле пёр. Зато всем хватило – мостам через реку, самой реке и оврагам, и старой липе в заброшенном парке, и целым семи холмам. Ну и самому кое-что осталось, даже, пожалуй, несколько больше, чем следует заливать в слабосильный человеческий организм. Впрочем, когда живёшь не рядом, а прямо внутри любимого собутыльника, можешь быть совершенно уверен, что домой после пьянки как-нибудь да попадёшь.

Книгу успели выпустить к Новому году, рекламировали, как лучший подарок детям и взрослым; редкий случай, когда реклама не оказалась враньём. Критики

хором ругали роман «безыскусной слащавой поделкой», зато читательницы рыдали ночами от избытка противоречивых, но сильных чувств и рисовали портреты героев в своих дневниках, а издатель спешно печатал дополнительные тиражи и требовал продолжения – словом, всё шло по плану. А как иначе. Это же мой, а не чей-то план, – весело думал Роман, сидя на лавке в заснеженном парке, куда город его в тот вечер зачем-то зазвал.

– А давай они в своём доме дискотеку откроют, – раздался голос над его ухом. – Или рок-клуб. Или ещё что-нибудь интересное, лишь бы не ресторан. Ресторанов уже и так слишком много, зачем нам ещё один? И пускай заведут дракона, а лучше – пару, чтобы он не скучал. Слышишь? Это самое главное! Пусть хотя бы в твоей книжке будут драконы, если уж мне их прямо на улицах почему-то нельзя развести.

– Ладно, пусть будут драконы, – согласился Роман. – Но дискотека с рок-клубом мне как-то не очень. Пусть открывают кофейню, это сейчас супермодно. И тебе самому, между прочим, пара-тройка нормальных кофеен тоже не повредит.

Дальше – ну, понятно как было. За четыре года писатель Роман написал ещё полдюжины книг. Волшебные жители дома на Башенной улице завели у себя во дворе пару юных драконов и добродушно, по-соседски ругались, чья нынче очередь их кормить; открыли-таки кофейню, в которую самый обычный прохожий (далеко не всегда и не каждый, но всё-таки) может просто с улицы случайно зайти; победили около полусотни опасных чудовищ (не больше десятка на книгу, с чудовищами важно не переборщить); влюблялись в кого ни попадя столько раз, сколько автор смог сочинить, почему это дело добром не кончилось; в каждом томе кто-нибудь уходил, хлопнув дверью, навек, но всегда возвращался, потому что скучал по дому на Башенной улице, кофейне, драконам и любимым друзьям.

Короче, чего только не было, смысла нет пересказывать, это надо читать. Писать такие книжки – не работа, а чистое удовольствие, но эффект получается будь здоров. Особенно если их пишут вместе говорящий человеческий город с израненным сердцем и влюблённое в него по уши волшебное существо.

* * *

Город, кстати, тоже ушами не хлопал. В смысле, не только книжки помогал сочинять. Завёл себе дюжину превосходных кофеен, в модных европейских столицах такие ещё поискать, организовал вечерние танцы на набережной, чтобы веселее жилось, научился сгущать обычные речные туманы до консистенции сновидения наяву, увеличил число пассажирских воздушных шаров с двух до десятка и запустил по реке прогулочный пароход. И вообще отлично держался, даже пожаров почти не устраивал, убрал из постоянного репертуара добрую половину ночных кошмаров и с мостов всё реже кого-то ронял.

Роман своим новым человеческим телом почти не помнил, только умозрительно мог представить сердечную боль, вопреки которой этот город играет и веселится, радуясь всякому новому дню. Всё-таки странная штука люди, – иногда думал он. – Вроде, дураки дураками, но ведь как-то сумели своими руками из обычных камней и брёвен построить такой.

Впрочем, город всё чаще сообщал ему ликующим шёпотом, от которого листья с деревьев облетают в июле и черепица осыпается с крыш: «Представляешь, мне больше не больно! Вот прямо сейчас – вообще ничего не болит!»

В общем, всё шло по плану, новые книжки о волшебных жителях дома на Башенной улице разлетались, как горячие пирожки. Но Роман был не особо доволен. Как-то медленно дело движется, – думал он. – Наши книги читают и любят, видят во сне героев и рыдают в подушки от невозможности встретить их наяву. Куча народу считает наш дом на Башенной улице самым волшебным местом на свете, но зло пока никуда не делось. Ослабло, но остаётся на месте. Затаилось, сидит. Всё-таки на большом расстоянии даже вера с любовью неважно работают. Сила внимания – великое дело, но чтобы по нашему злу как следует шандарахнуть, лучше вплотную к нему подойти. Думал, самые любопытные сразу же к нам ломанутся. Ну и где, чёрт возьми, все они?!

Только получив письмо от очередной благодарной читательницы: «Я мечтаю приехать в ваш город, но боюсь разочароваться, своими глазами увидев, что на самом деле нет ни Башенной улицы, ни всех остальных чудес», – Роман наконец догадался, почему в город не приезжают толпы паломников. На самом деле мог бы и без подсказки сообразить. Просто когда люди читают фантастику, никто не рассчитывает, что описанная в книге улица существует в реальности. И там действительно стоит ветхий заброшенный дом.

Тогда писатель Роман завёл себе парочку блогов в самых популярных на тот момент соцсетях. Писал там о своей жизни в городе – на самом деле исключительно правду, вернее, ту её небольшую часть, которая не выглядела совсем уж абсурдной фантастикой. Ну, может, слегка.

Быстро понял, что достоверности ради надо добавить картинки, пришлось учиться снимать. Впрочем, это оказалось нетрудно – город так любил красоваться и хвастаться, что сам всегда чрезвычайно удачно помещал свои лучшие части в кадр.

Фотографии ветхого трёхэтажного дома на Башенной улице Роман выкладывал чаще прочих – в солнечный день, в сильный дождь, окружённый сугробами, озарённый тусклым фонарным светом, мерцающий в предрассветном тумане, разрозненные фрагменты, отражённые в битом стекле. Лаконично подписывал фотографии: «Тот Самый Дом», без дополнительных разъяснений. Но табличка с названием улицы всегда попадала в кадр.

Нарочно не рассказывал о блоге издателю, чтобы тот не устроил ему рекламу, рекламе веры обычно нет. Только нескольким условным старым приятелям проболтался как бы случайно, а на самом деле, конечно, с расчётом, что они не станут молчать. По замыслу, блог должен был стать достаточно популярным, но при этом выглядеть так, словно он ведёт его тайком, для себя и ближайших друзей. Поэтому Роман показательно возмущался всякий раз, когда кто-нибудь его выдавал, хотя на самом деле был благодарен сплетникам за невольную помощь. Просто оно так работает. Хочешь, чтобы тебе поверили, сделай вид, будто это секрет.

Так увлёкся новым занятием, что за два года написал всего одну книгу о волшебной компании с Башенной улицы, да и то в основном ради города, очень уж тот просил.

Втайне надеялся, что эта книга будет последней: ему уже надоело играть в писателя. Семь лет – не комар чихнул. Очень счастливых, но всё-таки слишком человеческих лет. В этой шкуре ему становилось явственно тесно – так, что порой по утрам всё тело болело. Маловат оказался для Рена писатель Роман.

Но он, конечно, не жаловался. Некому было жаловаться, да и на что? Жизнь, которую сам себе выбрал, прекрасна и удивительна, даже когда от неё устаёшь.

Ежедневно гулял по городу – с городом, который уже не от случая к случаю, а почти постоянно чувствовал себя хорошо. Фотографировал его улицы, писал заметки в свой условно секретный блог. Как пробирался на крышу городского театра (фото: заколоченный досками чёрный ход), как случайно стал пассажиром воздушного шара, который совершенно бескорыстно помог надувать (фото: вид на город с большой высоты), как в январскую оттепель в городе расцвели каштаны (фото: один до сих пор цветёт), и как вчера ребята из Того Самого Дома заманили к себе приезжих музыкантов и устроили среди ночи концерт. Так шумели, что жители соседних домов даже полицию вызвали, но источник душераздирающей музыки, конечно, никто не нашёл (очень плохое фото, сделанное в темноте без вспышки: освещённый тусклыми фонарями полицейский автомобиль).

Однажды пасмурным летним днём увидел у дома на Башенной улице парочку совсем юных девчонок, явно приезжих, с одним на двоих здоровенным туристическим рюкзаком. Одна как раз клеила на дверь парадной блестящее голубое сердечко, а вторая таким же блестящим голубым телефоном фотографировала процесс. Чуть не заорал во весь голос: «Какие вы молодцы!» Но сдержался, только прижал руки к сердцу, беззвучно сказал: «Вот спасибо!» – развернулся, пока его не заметили и не узнали, и поспешно ушёл.

На радостях гулял до рассвета – с городом, с кем же ещё. Взахлёб рассказывал ему про девчонок с телефоном и рюкзаком – прилетели первые ласточки, пошло дело, пошло! Теперь подружкам похвастаются, что были у нас и всё видели, включая чей-то таинственный тонкий профиль в темноте за оконным стеклом. Тем тоже сразу захочется, побегут за билетами в наши края. А мне только того и надо; я имею в виду, нам с тобой. Потому что злу, конечно, несладко приходится, когда тысячи пылких читательниц всем сердцем, без тени сомнения считают его прекрасным волшебным добром. Но, к сожалению, расстояние имеет решающее значение. Это, знаешь, как с пистолетом, будь ты хоть трижды великий снайпер, а не застрелишь того, кто засел на другом краю земли. Так что пусть приезжают, чем больше, тем лучше. Этого я и хотел. Но ты, знаешь, тоже ушами не хлопай, всех бери в оборот. Разговаривай с ними человеческим голосом, обнимай всем собой, как меня обнимал, делай подарки, в места какие-нибудь замечательные заманивай – да ты сам знаешь, как к девчонкам надо

подкатывать и чем соблазнять. Пусть потом всем вокруг рассказывают, что ты и в жизни, как в книжках, полон чудес.

Город слушал его внимательно, охотно со всем соглашался, всё, что требовалось, обещал. Уж насколько всегда был любителем спорить, а слова поперёк не сказал. На рассвете доставил к дому такой специальной короткой дорогой, которой, пока живёшь в человеческом теле, без посторонней помощи не пройдёшь. И только тогда спросил так тихо, что считай, примерещилось:

– Где у тебя болит?

Не стал делать вид, будто не услышал вопроса. Честно ответил:

– Болит – в человеке. Очень устал им быть.

– Это плохо, – огорчился город. – Так нельзя! Такой отличный человек из тебя получился, и вдруг почему-то болит! А как ты думаешь, он перестанет, если я буду ещё больше тебя любить?

Рассмеялся, хотя это был совсем не смешной разговор:

– Ладно, ловлю на слове. Давай, люби ещё больше, если сам предложил.

* * *

Вероятно поэтому следующие два года писатель Роман не просто стойко терпел свою жизнь, выполняя принятое решение, а снова, как в самом начале, с огромным удовольствием жил. Даже написал ещё три книжки о волшебных обитателях дома на Башенной улице – просто так, от избытка, потому что радостью надо делиться, когда она бьёт через край. Для дела-то было уже не особенно надо, восхищённых паломниц у дома на Башенной улице хватало и так. Они там все стены, двери и окна залепили картинками и записками, а перед Новым годом везде, куда дотянулись, развесили разноцветные шарики и праздничные фонари.

И город не требовал писать продолжение. Он теперь вообще ничего не требовал, только радовал и веселил. Иногда признавался: «Представляешь,

совсем ничего не болит! Ни сгореть, ни рассыпаться больше не хочется, ни провалиться под землю, ни превратиться в страшную тень. И ежедневно делить свою боль на несколько сотен тысяч человеческих снов и сердец мне тоже больше не хочется. Игра была интересная, да нечего стало делить».

Роман смеялся: «Так делись своей радостью. Игра, считай, та же самая, только приз отличается. Отличный у нас теперь будет приз».

К дому на Башенной улице он больше не приближался, всегда десятой дорогой его обходил. Глупо было теперь, когда зло так ослабло, придавать ему новые силы собственным знанием о том, каким страшным оно было когда-то, и до сих пор хоть в каком-то виде, да есть. Поэтому писатель Роман не заметил, когда оно окончательно сгинуло. Пропустил этот момент. Что дом окружили строительными лесами и начали ремонтировать, ему устами нескольких свидетелей с фотокамерами сообщил интернет. Он сперва глазам не поверил. Знал, что зло, как бы оно ни ослабло, разрушать своё гнездо не позволит. Но ремонт идёт полным ходом, без жертв и аварий. Неужели действительно всё?

– Да ещё почти месяц назад всё закончилось, дом пустой, нету там ничего, – сказал ему город. Он не стал дожидаться, пока Роман выйдет на улицу, просто сунулся в распахнутое окно. И добавил немного обиженно: – Я-то надеялся, наше зло превратится в джиннов и ангелов, красавчиков, как ты сочинил. А оно просто рассыпалось на разноцветные огоньки, вроде тех, что на зимние праздники во всех окнах вешали, и улетело прочь… Эй, ты чего такой бледный? А на пол зачем ложишься? У тебя что, на радостях человек поломался? Возвращайся немедленно! Так и знал, что не надо тебе ничего говорить!

3. Снова Рен (у приличных людей это называется «эпилогом», а как у нас что-то не соображу)

Писатель Роман, конечно, не умер. Он просто закончился, как заканчивается всякий сон. Зато Рен – как про это сказать? проснулся? очнулся? вернулся? – словом, стал собой в потаённом осеннем дворе, где когда-то варил своё зелье. Он сидел на земле, рядом лежал рюкзак и стоял котёл.

Рен зевнул, потянулся и улыбнулся, страшно довольный. Он любил просыпаться даже больше, чем засыпать. Планов у него больше не было. Ну то есть человеческих планов. А свой-то, конечно, остался – продолжать с удовольствием быть.

Рен взял котёл, осмотрел – идеально чистый. Хорошо, значит, жизнь прожил, все бы так. И не с какой-нибудь целью, а просто чтобы на земле не валялся, спрятал его в рюкзак.

– Эй, – сказал ему город, – ты это куда намылился? Зачем собираешь рюкзак? Это нечестно, так мы не договаривались! Я без тебя не согласен стоять. Если тебе спасать интересно, а просто дружить – не очень, так и скажи. Мне для тебя ничего не жалко, что-нибудь да придумаю. Влипну в какую-нибудь такую удивительную беду, что ты устоять не сможешь, точно тебе говорю.

Если здесь записать все слова, которые в тот момент пришли в голову Рену, у нас тут от ужаса все тротуары растрескаются, и, чего доброго, реки выйдут из берегов.

Но Рен умел вести себя сдержанно, когда сам хотел. Поэтому не произнёс ни звука, только кулак показал, втайне сожалея, что не родился великаном до неба с кулаком соответствующих размеров. На самом деле можно, конечно, вырасти, не вопрос, но это слишком долго и хлопотно, пока себя вырастишь, сто раз забудешь, ради чего так рос.

– Я тебе влипну, – наконец сказал он. – Вот даже не вздумай. Я только-только губу раскатал пожить здесь в своё удовольствие. Не человеком и без работы. Где я ещё такой санаторий найду?

– Отлично! – обрадовался город. И вкрадчиво добавил: – Слушай, так если ты здесь остаёшься, я теперь не совсем человеческий город? Я имею в виду, не настолько обычный, чтобы прозябать без драконов? Может всё-таки парочку заведём?

Поиграем

Я выхожу из дома в половине пятого вечера, в синих гуашевых зимних сумерках, когда только начинает темнеть. На мне непромокаемые ботинки и тёплая куртка, в куртке куча карманов и отличный, половину лица закрывающий капюшон. За плечами небольшой тряпичный рюкзак, набитый разнообразным, местами даже для меня неожиданным барахлом, которое может сегодня мне пригодиться, а может не пригодиться. Никогда не знаешь заранее, что с прогулки обратно домой принесёшь.

Закрыв за собой дверь подъезда, я одновременно закрываю глаза и прохожу вслепую, наощупь восемнадцать шагов. Нет каких-то особых причин, почему шагов восемнадцать, просто сегодня их именно столько. Вчера было четыре шага, позавчера пятнадцать, сколько раньше, не имеет значения (можно вообще каждый день одинаково, просто я повторяться не особо люблю).

Факт, что восемнадцать – обычное, совершенно случайное, ничем не хуже и не лучше других число.

Сделав восемнадцатый шаг, я открываю глаза и оглядываюсь в поисках карты. В этой игре карта – единственное обязательное условие. Всё остальное – как получится, так и будет, но без карты не проложишь маршрут.

Карта очень редко бывает хоть сколько-нибудь похожа на собственно карту, хотя однажды, ещё весной мне попался клочок настоящего атласа мира, правда, без суши, только голубой, судя по буквам «Ianti», Атлантический океан, а в другой раз – пустая мятая пачка из-под «Беломора»; удивительно, но оказывается, где-то до сих пор производят, а потом привозят к нам контрабандой папиросы «Беломорканал». Но вообще картой может стать что угодно: страница журнала, огрызок яблока, брошюра «Тревоги разума», коробочка из-под чая, поломанная зажигалка, белый камень, варежка, плюшевый ёж.

Возникает вопрос – он даже у меня до сих пор иногда возникает: что за маршрут можно проложить с такой, прости господи, «картой»? И куда ты в итоге придёшь? Если видишь огрызок яблока, надо идти налево или направо? На какую улицу или площадь намекает игрушечный ёж? Лично я понятия не имею.

Не понимаю в расшифровке этих тайных посланий вообще ничего. Но понимать и не надо. Надо просто увидеть то, что может стать картой, решить: «Это карта», – а дальше карта тебя куда надо сама поведёт.

Однако сегодня карта – именно карта. Но не географическая, а девятка пик из игральной колоды. Иногда бывает и так. Мир насмешлив, и это хорошая новость. Пока мир над тобой откровенно смеётся, в нём весело жить. Даже с пиковой девяткой, которая, с одной стороны, обычная игральная карта, а с другой – никуда не денешься, я это знаю, а от знания уже не избавишься – аналог девятки Мечей в колоде Таро.

Девятка Мечей носит имя Жестокость и указывает на страдание, у которого есть причина. На рану, которая не заживёт никогда. В этом смысле девятка Мечей – отличная, честная карта для нас обоих, для меня и для этого мира. Вечная правда про нас. Но, к счастью, не вся, только часть. Другая часть этой вечной правды нам с миром нравится больше: наша девятка Мечей – просто девятка пик из игральной колоды. Значит сегодня (как вчера, послезавтра и в вечности) мы будем играть.

Я поднимаю карту, отряхиваю от снега, вытираю насухо краешком шарфа и сую в нагрудный карман. В левый, поближе к сердцу, чтобы всем девяти мечам, раз уж им так приспичило, было удобней его терзать; если кто-то решил, будто я говорю серьёзно, забудьте, расположение кармана не имеет значения; сама карта, собственно, тоже не имеет значения, совершенно не обязательно её с собой весь вечер таскать. Просто сегодня мне так захотелось. Вчера было иначе, а завтра неизвестно, как будет, да и есть ли вообще это «завтра», пусть оно сперва хорошенько наступит, а там поглядим.

Спрятав карту в карман, я разворачиваюсь, возвращаюсь в подъезд и выхожу из него с другой стороны чёрным ходом (не факт, что в нашем доме действительно есть дополнительный выход, но когда мне надо, всё везде есть). А сейчас мне обязательно надо выйти с другой стороны чёрным ходом – понятия не имею, зачем. Впрочем, меня никто и не спрашивает, я больше ничего не решаю, а иду по проложенному картой маршруту. И не знаю (возможность не знать – часть моего гонорара, аванс, очень щедрая плата), куда и к чему, в итоге приду.

* * *

Возле соседнего пятиэтажного дома я чувствую боль в сердце, не особенно сильную; ерунда, действительно не о чем говорить. Это на самом деле скорее хорошая новость: похоже, сегодня мне будет легко играть. Я обычно чувствую, где надо остановиться, что там следует сделать и когда уходить, но порой мне не хватает уверенности, я начинаю раздумывать, а это не дело, так можно испортить ход. Поэтому больше всего на свете я люблю получать подсказки, отчётливые и понятные. И вряд ли можно придумать подсказку понятней, чем острая боль.

Остановившись, я достаю из кармана толстый золотой маркер, присаживаюсь на корточки и пишу на снегу всё, что приходит мне в голову, всё подряд, не обдумывая, не формулируя, как пойдёт. Я пишу: «Тени возвращаются летом, о Dieve, не бойся, не всё, что verboten[2 - О боже (лит.)], запрещено, amo il verde[3 - Запрещено (нем.)], паскуда, лохудра, родная, никто не умрёт, не бойся, в сиреневых сумерках, на бегу, не бойся, белые кеды тебе пригодятся потом, они не фиалки, не девки, ave, Caesar, не бойся, однажды…»[4 - Я люблю зелёный (итал.)] – и так далее, совершенно неважно, что именно, сейчас важно только, что маркер не может писать по снегу, а я им пишу, и, вопреки законам природы и здравому смыслу, на снегу остаются золотые следы – не слова целиком, а отдельные буквы: «л», «е», «v», «ы».

Я прекращаю писать, когда утихает боль в сердце. Не постепенно, а – раз, и прошла. Это означает, что всё уже получилось, ход сделан, жест завершён. Говорю же, я очень люблю подсказки. Хоть что-то должно быть понятно, когда непонятно вообще ничего.

Разгибаюсь, прячу маркер в карман и – не ухожу, убегаю вприпрыжку. Не потому, что так зачем-нибудь надо, а просто от избытка радости и энергии. После безупречно сделанного хода всегда прибавляется сил.

Примерно четверть часа спустя я останавливаюсь напротив другого жилого дома, достаю из рюкзака небольшое зеркало в форме сердца, в IKEA такие пачками продаются по шесть, что ли, штук. Сдираю защитную плёнку с тыльной клеящейся стороны и леплю его к стеклу одного из окон первого этажа.

На перекрёстке, чуть в стороне от пешеходного перехода, я открываю банку ананасового компота и жёлтыми кубиками выкладываю на разделительной полосе фразу: «Temet nosce»[5 - Познай себя (латынь)]. Кусочков, к моему изумлению, как раз хватает; если это не чудо, то я уже и не знаю, что.

Весь вечер я нарезаю по городу хаотические круги. Иногда останавливаюсь, чтобы повесить на дерево кораблик, сложенный из книжной страницы, разбросать по снегу алые бусы, похожие на зёрна граната и одновременно на кровь, развесить бельё на центральном проспекте, натянув верёвку между деревом и фонарным столбом, несколько минут неподвижно лежать на мосту вниз лицом, выложить на крыльце почтового отделения причудливую спираль из старых ключей, забраться на крышу дровяного сарая и прыгнуть оттуда в сугроб, написать на стене в подворотне: «Здесь начинается жизнь», – да много чего.

Может показаться, что я занимаюсь полной ерундой, местами граничащей с мелким вандализмом. Собственно, так и есть. Я делаю то, чего люди обычно не делают; ну, может, какие-нибудь художники в рамках перформансов, при стечении понимающей публики, в специально отведённых местах. А я – просто так, без плана и внятного смысла, то тайком, то при случайных свидетелях, где попало, где не положено, где никто, включая меня – начиная с меня! – ничего такого не ждал.

Это такая игра – я сбиваю мир с толку. Ему очень надо, чтобы хоть кто-то с толку его сбивал. Не просто для развлечения, а потому, что в мире, который сбит с толку, всё начинает идти не своим чередом, не так, как обычно бывает, не по логике, не по уму. Причины и следствия спотыкаются друг об друга, падают и устраивают весёлую кутерьму. Что и само по себе отлично, лишняя доза хаоса никакому миру не повредит. Но мало где хаос настолько целителен, как у нас. В мире, населённом людьми, всякий сбой, каждое отклонение от устоявшегося порядка, любой провал в логике и путаница в причинно-следственных связях неизбежно уменьшает количество боли – просто потому что при нормальном течении жизни боль здесь положена всем. Мир от этого сам не в восторге: всё, что в нём происходит, неизбежно происходит и с ним. Но сразу стать другим он не может, глобальные изменения даже в недолговечном маленьком человеке протекают медленно и постепенно, а тут – целый огромный мир. Поэтому мир

всегда рад помощникам, тем, кто готов с ним играть. Вряд ли от нас много толку; сколько там хаоса можно создать человеческими усилиями – слёзы одни. Но ладно, сколько можем, столько и делаем. «Очень мало» – всяко больше, чем «совсем ничего».

К полуночи я едва держусь на ногах и одновременно чуть не взлетаю – силы кончились, но при этом их столько, что, того гляди, разорвёт. Но вместо того, чтобы идти домой, я забираюсь на холм, с вершины которого по вечерам катаются дети и взрослые – на санках, «ледянках», «ватрушках» и просто кусках картона, но сейчас уже поздно, на холме пусто. Это мне повезло.

Я достаю из кармана зажигалку и карту – девятку пик, с которой сегодня всё началось. В моих руках пластик горит, как бумага. И снег на холме горит, как бумага (нет не горит, мне только так кажется), и я загораюсь (кажется, кажется), и небо над моей пылающей головой.

* * *

Иногда, то ли если мы с миром совсем уж шикарно сыграли, то ли просто когда повезёт, я какое-то время – недолго, потом забываю – точно знаю, что за боль мы в текущей игре отменили. Каков конкретный итог.

Минус восемь пощёчин и просто ударов, минус порка ремнём, минус два перелома – ноги и ключицы, минус две (впрочем, робких, почти без шансов увенчаться успехом) попытки убийства, минус авария с жертвами, минус погибший на улице кот. Это, наверное, считается круто, – неуверенно думаю я, сидя на скамейке у самого дома с сигаретой в руках. (Сигарета – это такая смешная специальная штука, чтобы люди играли в драконов, изрыгая если не пламя, то дым.)

Ну, типа круто, – мрачно думаю я, пряча сигарету обратно в карман, потому что сил сейчас нет играть ещё и в дракона. – Но при этом так мало, что считай, совсем ничего.

На улице пусто, потому что зима, мороз, будний день, половина первого ночи – естественно, тут нет никого. Но в ответ на мои унылые мысли в меня неизвестно

откуда прилетает здоровенный снежок, к счастью, не ледяной, а пушистый, рассыпается сразу, едва коснувшись моей головы.

«Завтра ещё поиграем! Давай приходи!» – кричит где-то вдалеке, скорее всего, во дворе через дорогу детский голос, в половине первого зимней морозной ночи даже более невозможный, чем только что прилетевший мне в лоб снежок.

Можешь ведь, если захочешь! Всё ты можешь, даже человеческим голосом говорить, – одобрительно думаю я, возводя очи горе. В смысле, во все глаза таращась на небо, потому что – ну а куда ещё мне сейчас смотреть?

Хроники городской жизни

Анна Ивановна выходит из дома на берег реки. Дом стоит в таком месте, что сразу за дверью у Анны Ивановны спуск к реке, всего четыре ступеньки; летом, когда окна открыты настежь и мимо вечно кто-нибудь ходит, Анна Ивановна часто слышит, как прохожие говорят друг другу: «Везёт же людям, дом почти у самой воды, как тут здорово жить», – а на самом деле хорошего мало, квартира сырая, вечно плесень повсюду, толком не высушить, трудно зимой протопить, но ладно, Анна Ивановна привыкла, человек ко всему привыкает, – и это как раз плохо, что привыкает, не радуется хорошему, не сопротивляется злу, – мрачно думает Анна Ивановна, усаживаясь на ступеньку и раскуривая первую за день сигарету, от которой чуть-чуть тошнотворно и очень сладко кружится голова, как кружилась когда-то на пустыре за школой, где рыжая крашенная Лорета из параллельного класса учила её курить. Давно это было, интересно, где сейчас Лорета и как поживает, бедовая была девка, с такими не угадаешь, взлетит или пропадёт; ладно, неважно, – думает Анна Ивановна и закрывает глаза, а закрыв глаза, представляет, что весь невысокий склон засажен тюльпанами, такими, с очень короткими стеблями и длинными острыми красно-белыми лепестками, Анна Ивановна видела их только в ботаническом саду. В эти тюльпаны Анна Ивановна почти влюблена, то есть думает о них гораздо чаще, чем людям, даже помешанным на садоводстве, полагается думать о цветах, а она ничего, кроме зелёного лука в банках на подоконнике отродясь не выращивала, ей просто негде, у Анны Ивановны нет ни балкона, ни палисадника, даже крошечного пятачка, внутренний двор закатан асфальтом, а берег просто ничей. Можно, конечно, посадить прямо здесь, вряд ли соседи станут ругаться, наоборот,

обрадуются, но когда земля не своя, она не своя, – думает Анна Ивановна. – Забор не поставишь, значит кто угодно может прийти и сорвать цветы, а если начнутся какие-нибудь строительные работы, например, по замене коммуникаций, всё выкорчуют без жалости и не спросят, вот будет горе, поэтому лучше никаких цветов здесь не разводить, – думает Анна Ивановна и сама же на себя сердится, потому что если так думать, вообще ничего никогда не сделаешь, если бояться всего, что когда-нибудь может случиться, лучше вообще не жить, – думает Анна Ивановна и чуть не плачет, потому что и правда, считай, почти не жила – ну, то есть жила, продвигаясь по жизни короткими робкими перебежками, из одного укромного уголка в другой, всегда была сыта и одета и вот до сих пор цела, ну и толку, – думает Анна Ивановна, затягиваясь горьким табачным дымом. – Особо плохого со мной ничего не случилось, кроме маминой смерти, но и хорошего ничего. Даже тюльпаны не посадила на берегу, хотя когда впервые увидела их в ботаническом саду, так впечатлилась, что записала название, сорт «Пиноккио», непонятно зачем.

Анна Ивановна снова затягивается сигаретой, вздыхает, открывает глаза и смотрит на склон справа от лестницы, засаженный пёстрыми тюльпанами на очень коротких стеблях. Анна Ивановна не удивляется, не гадает: «Откуда они появились?» – не спрашивает себя: «Как же я так проглядела?» – или: «Так что, я всё-таки посадила эти тюльпаны и забыла о них?» – она сейчас вообще ни о чём не думает и не чувствует ничего, кроме приятного головокружения от первой за день сигареты, она просто смотрит, и всё. А потом аккуратно гасит окурок, поднимается и идёт в дом за лейкой, потому что дождя уже неделю, кажется, не было, значит, тюльпаны надо полить.

* * *

Альгис одевается, чтобы выйти из дома; гулять он любит, а одеваться – нет. Он вообще терпеть не может рутинные действия, но некоторых нельзя избежать. Иногда Альгис думает, что умрёт не от какой-то болезни, как обычно бывает в старости, и не от несчастного случая, не по собственной дурости, как ему всегда предрекали, а оттого, что его окончательно задолбает делать одно и то же каждый день. Например одеваться перед тем, как выйти из дома; спать в одежде он как-то пару раз пробовал – к сожалению, не вариант. Даже носки и бельё дольше суток неприятно носить. В общем, засада с этой одеждой! Умываться можно в разное время суток, то в ванной, то в кухне, мыть посуду не каждый день, по утрам пить то чай, то кофе, то просто воду, готовить только когда приспичит, спать в разных комнатах, по очереди, а тут не схитришь. Мне

бы твои проблемы, – насмешливо думает Альгис голосом брата, который деловой человек, и проблемы у него соответственно настоящие, деловые, на пятнадцать лет младше, а выглядит и рассуждает почти как старик; братишка Мантас хороший, но всё-таки очень смешной. Да все на самом деле смешные, включая меня; собственно, начиная с меня, – думает Альгис, зашнуровывая кроссовок. Выпрямляется медленно, осторожно, потому что нет ничего хуже, чем больная спина, как всегда перед выходом спрашивает себя: «Где, интересно, сегодня?» – но не пытается угадать, потому что, во?первых, любит удивляться больше, чем оказываться прозорливым, а во?вторых, положа руку на сердце, всё равно же хрен угадаешь, куда ты сегодня выйдешь из дома, потому что это совершенно непредсказуемо, ни от чего не зависит, ни от желания, ни от опасений, ни от диеты, ни от того, как спал и что тебе снилось, ни от того, что видел в окне. Альгис так не любит рутину, что с возрастом начал всякий раз выходить из своего дома в каком-нибудь новом месте, иногда в Старом Городе, иногда посреди небоскрёбов Сити, а иногда на такой дальней окраине, что хоть вызывай такси. А возвращаться можно по старому адресу, дом всегда стоит на месте как ни в чём не бывало, да и куда он, собственно, денется, это же не какая-нибудь хибарка, а большой многоквартирный дом. Альгис сам не знает, как это у него получается, ничего специально для этого не делал, ничему не учился, да и где, у кого такому научишься? Просто он всю жизнь очень сильно чего-то такого хотел. Это мне повезло, – думает Альгис, выходя из дома по адресу улица Басанавичюс девятнадцать прямо на улицу Стиклю и торжествующе оглядываясь по сторонам, – это тебе, милосердный боже, или кто там всем этим нынче заведует, большое спасибо. Пожалуйста, не останавливайся, при таком раскладе ещё очень долго можно не помирать.

* * *

– Ха отта тэйи, – говорит Юта.

Вслух говорит, чего стесняться, почти три часа ночи, в городе пусто и тихо, так тихо, словно Юта в мире одна. Впрочем, может быть, прямо сейчас и одна, в таком специальном мире, который очень похож на обычный ночной городской человеческий мир, но в некоторых деталях всё-таки отличается. Трудно объяснить такое словами, но пахнет совсем иначе, немного тропическими растениями, которые здесь не живут, немного морем, но не солёным, а сладким, и в то же время именно морем, запах моря не перепутать ни с чем. И свет как-то иначе рассеивается, фонари выглядят совершенно обычными, но свет непривычный, как будто здесь немного другая среда. Сбственно, не «как будто»,

воздух явно тоже другой, для дыхания он годится, может, ещё и получше обычного, но сам процесс дыхания осуществляется как-то не так, словно дышишь не столько лёгкими, сколько кожей, Юта даже по локоть закатала рукава пуховика, чтобы лучше дышалось, хотя ночь очень холодная; впрочем, здесь и холод другой, от него не дрожишь, не зябнешь, а словно твердеешь и как бы немножко звенишь. В общем, объяснить действительно невозможно, но ещё более невозможно не ощутить. Юта на самом деле боится этого странного явно чужого мира до темноты в глазах, но и любит его больше всего на свете, иногда специально выходит ночью гулять, лучше всего с воскресенья на понедельник, когда в городе пусто, совсем никого, даже окна в домах не светятся. Если долго ходить по совершенно пустому городу и говорить вслух – не специально выученные магические заклинания, Юта отродясь ничего подобного не учила, да и где, интересно, такие учебники взять, – в общем, если просто говорить вслух странные фразы, которые сами приходят в голову, мир может стать немножко другим, и в этот момент самое главное – сохранять спокойствие, не давать волю страху, не бежать, не кричать, не выть. Юта никогда так не делала и впредь не сорвётся, она держит себя в руках, откуда-то точно знает, что паника всё испортит, и саму Юту, и весь этот зыбкий прекрасный удивительный мир. Нельзя его портить, – думает Юта, – он мне доверяет, он мне показался, он меня погулять здесь пустил!

– Ано хаорми, – говорит Юта. – Раэ отей!

Страх уходит, он всегда уходит от сказанных вслух непонятно откуда взявшихся в голове заклинаний. Юта вдыхает поглубже запястьями и локтями, идёт, не ощущая под ногами земли, неторопливо, ритмично притопывая, повторяет: «Ано хаорми», – и зачарованно смотрит, как пляшет в тёмно-бирюзовом ночном небе её огромная, неизвестно каким образом, согласно невообразимым, несуществующим, но вот прямо сейчас действующим оптическим законам отброшенная тень.

* * *

Римас встречался с друзьями, выпил; на самом деле совсем немного, ровно столько, чтобы исправилось настроение, которое было совсем ни к чёрту в последние дни, ровно настолько, чтобы ему захотелось пойти домой пешком, а не вызывать такси, ровно настолько, чтобы остановиться покурить на мосту. Стоит там, забыв зажечь сигарету, думает о разных вещах, неважно, о чём,

главное, что без привычного раздражения, улыбается без особых причин, ничему, просто так и вдруг – ну а что взять с пьяного дурака, которому не хватает компании – говорит реке: «Слушай, неужели тебе до сих пор не надоело всегда течь в одну и ту же сторону?» И вцепившись в металлические перила так крепко, словно на пальцах появились присоски, смотрит, как сияющая от лунного света река сперва замирает, становится неподвижной, как озеро в безветренную погоду, а потом снова начинает течь даже быстрее, чем раньше, задорно подпрыгивая на камнях, в противоположную сторону, то есть к истоку, назад. И первая мысль, конечно: она всегда так текла, мне примерещилось, что взять с пьяного дурака, – но Римас сам знает, что даже если и пьян, то всё равно не настолько, чтобы внезапно забыть, в какую сторону всегда текла эта чёртова река.

В это время Марина идёт по улице Бокшто в сторону Барбакана; у неё хорошее настроение, без особых причин, просто так. Настолько хорошее, что когда вместо с детства знакомых очертаний приземистых башен на горизонте появляются высокие белоснежные стены и какие-то невообразимые шпили, беспардонно сверкающие в зеленоватом свете прожекторов, как столовый хрусталь, Марина не пугается, даже не особо удивляется, просто думает с непонятным ей самой торжеством: вот так-то! Что именно «так-то» и кому предназначалась эта реплика, Марина сама не понимает, и вряд ли когда-то поймёт.

В это время Милда ищет кошку в тёмном дворе; кошка юная, глупая, погналась за какой-то невидимой мошкой, вывалилась в открытое для проветривания окно. Первый этаж, вряд ли кошка ушиблась, но испугалась и спряталась, забилась в какую-то щель, сидит, молчит, не мяукает, не откликается на «кис-кис». Что же делать? – думает Милда, – не оставлять же дуру на улице, сейчас во дворе тихо и пусто, но с утра соседи выйдут гулять с собаками, и на машинах начнут из двора выезжать, и тогда… нет, не надо, пожалуйста, – испуганно думает Милда и снова зовёт: «Кис-кис-кис». «Я здесь!» – говорит кто-то человеческим голосом из-за дровяных сараев, почему-то по-русски, Милда понимает, что это не может быть кошка, скорее всего вообще какой-нибудь пьяный бомж, но это она умом понимает, а ноги тем временем сами несут её за дровяные сараи, и там в темноте она скорее угадывает, чем видит глазами светло-серую шкурку, хватает кошку в охапку, кошка мяукает, как положено кошке, а Милда, пока идёт через двор, растерянно думает: ну да, естественно – матерь божья, какое тут может

быть «естественно»?! – естественно она меня позвала по-русски, я же котёнка у Кати с Володей взяла.

В это время Андрей выходит из дома, он так делает – ну, конечно, не каждую ночь, потому что с утра работа, а в выходные в центре народу полно – но достаточно регулярно, потому что у Андрея, можно сказать, проект, он рисует в городе на видных местах разные тайные знаки, что-то среднее между иероглифами и рунами, но на самом деле ни то, ни другое, просто красивые загадочные значки, он сам их придумал, можно сказать, разработал новый, условно – очень условно! – говоря, алфавит как бы для связи – ну, предположим, с духами, которых, скорее всего, в природе всё-таки нет, а хотелось бы, чтобы были. Андрею всю жизнь хотелось, чтобы кроме привычной, данной ему в ощущениях реальности было что-то ещё. В общем, ладно, – считает Андрей, – духи сами как-нибудь разберутся, есть они, или нет, а человек, который уж точно есть и неизвестно о чём иногда тоскует, имеет полное право писать им письма на вымышленном языке. Словом, Андрей выходит ночью из дома, чтобы писать красивые якобы тайные знаки на заранее выбранных стенах, и только оказавшись на месте, понимает, что забыл дома специальный толстый чёрный маркер. На самом деле совершенно невероятно, быть такого не может, потому что только ради этого шёл, но вот – забыл, ничего не поделаешь, придётся за ним возвращаться, – вздыхает Андрей, и сам уже понимает, что сегодня ещё раз не выйдет, до дома отсюда двадцать минут быстрым шагом, и обратно, соответственно, двадцать, слишком поздно, а он устал. Ладно, – думает он, пытаясь быть оптимистом, – видимо, именно сегодня ничего не надо писать. Может, лунный день неудачный? Я же в этом совершенно не разбираюсь, зря, между прочим – если уж пишешь на стенах письма несуществующим духам, будь добр, отнесись к делу серьёзно, хотя бы лунный календарь изучи! От этих мыслей Андрею становится по-настоящему весело, подумаешь, великое горе, зря прогулялся, прогулка сама по себе удовольствие, значит, уже не зря, и в этот момент он видит, что на стене, мимо которой проходил сегодня после работы и внимательно разглядывал, решая, в каком месте писать, и стена была совершенно чистая, никаких надписей, это он точно помнит, а теперь на ней нарисовано что-то похожее на придуманные им руны. Или не просто похожее? Точно, они! Андрей какое-то время стоит столбом, тщетно пытаясь понять, откуда взялась эта надпись и понять её смысл, наконец фотографирует рисунок телефоном и идёт домой. А дома, сверившись со своим, условно говоря, алфавитом, видит, что первый значок обозначает «счастливое множество», то есть некое объединение, приносящее радость всем его составляющим, а второй – протяжённое бытие. То есть, – ошеломлённо понимает Андрей, – получается,

духи на мною самим придуманном языке написали что-то вроде: «Мы есть».

* * *

Так в человеческий мир возвращается магия, просто потому что – ну, может. Приходит, когда ей вздумается, и происходит, с кем сама пожелает, ни у кого разрешения не спросив.

Девчонки

В половине первого ночи Виле спускается с неба на землю. То есть натурально спускается с неба по верёвочной лестнице, как в мультфильме или кино. Ясно, что на самом деле лестница не то чтобы именно лестница, и сплетена она не из настоящих верёвок, и процесс появления Виле гораздо сложнее, чем просто спуск, но с точки зрения гипотетического неискушённого наблюдателя с нормальным человеческим зрением и достаточно крепкими нервами, это могло бы выглядеть именно так.

Виле – небожительница, причём по профессии. Она сейчас – дежурный Любящий Взгляд Небес. Это такая работа – влюблённым взглядом сверху на город смотреть. Штука в том, что люди умеют строить, наполнять, украшать, вносить оживление, но не умеют одухотворять. Поэтому без дополнительного любящего взгляда с небес всякий человеческий город остаётся вполне бессмысленным местом, где жизнь, конечно, возможна, но сама себе не мила.

При этом с неба на землю смотреть тут особо некому – ни с любовью, ни без неё. Строго говоря, здешнее небо это просто заполненное воздухом пространство над поверхностью планеты, там вообще никто не живёт. Но поскольку мироздание милосердно (хоть и на свой, непонятный нам лад), время от времени с неба всё-таки кто-нибудь смотрит – не на все, только на некоторые человеческие города. Их не отбирают по какому-то принципу: на эти города смотрим, на остальные – нет. Просто специалистов катастрофически не хватает, где удаётся закрыть вакансию местными кадрами, там и есть небесный любящий взгляд.

Дежурным Любящим Взглядом может стать существо какой угодно природы, если оно способно, во?первых, любить и смотреть, а во?вторых, в зависимости от своего изначального положения, либо на небо вскарабкаться, либо туда спуститься с каких-нибудь более высших небес и оставаться там достаточно долго, можно с перерывами на обед.

Для Виле должность дежурного Любящего Взгляда – совершенно головокружительная карьера: в юности она была просто одним из многочисленных мелких духов, населяющих лес. Духи в этом смысле примерно как люди устроены – большинству даже в голову не приходит что-то в своей жизни радикально менять, зато у некоторых буквально с рождения здоровенное шило в заднице, и всё самое интересное случается с ними. А об остальных, хотя они, вроде бы, духи, существа необычные, толком нечего рассказать.

В половине первого ночи Ула выбирается из реки; на самом деле Ула там просто купалась, она в реке не живёт. Ула не рыба и, боже упаси, не русалка (да я бы застрелилась! – смеётся Ула, когда её спрашивают, не русалка ли, случайно, она). У Улы хорошая, солидная должность, она – Страж, Охраняющий Мост. Причём не какой-нибудь транспортный, с которым не оберёшься хлопот, а маленький пешеходный. Ула отлично устроилась: радости на этой должности много, а работы – практически никакой, потому что мостам в наше время ничего особо не угрожает. Не от кого их охранять.

Это раньше стоило бревно через ручей перекинуть, по нему тут же начинали шастать незваные гости, туда-сюда, потому что, теоретически, природа любого моста такова, что он соединяет не только два берега, между которыми построен, но и иные, настолько нездешние, что почти несуществующие берега. В старые времена, когда ворота между мирами ещё не были наглухо заперты, кто только по этим мостам не приходил! Ну и потом начиналось: одни заблудились и плачут, так что земля у них под ногами от сырости превратилась в болото, другие приходят с такими подарками, что уж лучше бы грабили, а третьи просто голодные – эти, конечно, хуже всего. В общем, в древности Стражи Мостов без работы ни дня не сидели, но то весёлое время давно прошло, а должности Стражей остались – пусть будут, мало ли, вдруг однажды опять пригодятся. Да и просто нечестно было бы старых вояк в отставку прогнать.

Ула те времена не застала, она совсем молодая, всего четыреста лет назад родилась. И должность досталась ей, можно сказать, в качестве извинения,

когда в этом месте впервые построили мост. Собственно, не то что построили, просто перекинули через речку два толстых бревна. Одно из них было Улиным деревом. В смысле, она там тогда жила.

Таких, как Ула, в мифологии называют «дриадами», только люди мало что про них понимают – хотя бы потому, что в деревьях водятся очень разные духи и существа. Одни и правда рождаются вместе с деревом и вместе с ним умирают, но подобные случаи редкость. Далеко не у каждого дерева есть такая пара, как не у каждого человека есть сестра или брат-близнец. Другие духи крутят любовь с деревьями, кокетничают, соблазняют, и когда удаётся вызвать ответное чувство, живут с ними душа в душу, или нервы друг другу мотают, но расстаться не могут, в этом смысле у духов тоже всё примерно как у людей. А некоторые просто живут в деревьях, как в домах – если, конечно, дерево тоже не против; одни деревья с радостью соглашаются, а другие никого пускать к себе не хотят, им не надо лишних хлопот и ответственности. С точки зрения дерева принять к себе такого жильца-компаньона – это примерно как человеку завести котёнка или щенка.

Ула как раз была компаньонкой одного старого вяза, который сам её приметил, подманил, приручил и, можно сказать, удочерил. Жила с ним в тепле и покое, как у бога за пазухой, но осталась без дома и покровителя, когда старика срубили, чтобы построить мост. Рассердилась тогда ужасно, собиралась разрушить постройку, чтобы хоть как-то окрестным жителям отомстить, но среди них нашлась одна умная ведьма, пришла, по всей форме извинилась за родичей – глупыми уродились, не ведают, что творят. И научила Улу полезным заклинаниям и обрядам, позволяющим получить должность Стража только что построенного моста. С тех пор Ула живёт и не тужит, отлично идут дела. Её мост уже восемь раз сносили, но всякий раз строили заново, примерно на том же месте, даже лучше, чем был. Люди о Стражах Мостов ничего, конечно, не знают, но тут не их воля, а другие законы работают. В мире всё так устроено, что Страж, Охраняющий Мост, официально возведённый в должность, никогда не останется без моста.

В половине первого ночи Агне просыпается и пулей выскакивает из остывшей печи. Чуть не проспала отличную вечеринку, вот это был бы номер! Даже просто представить такую возможность обидно до слёз.

Глядя, как Агне искрится, приплясывает, как сияют её чёрные с оранжевыми зрачками глаза-угольки, можно подумать, будто Агне – огненный дух; так и есть, но только отчасти. Агне родилась обычной человеческой девочкой, такой бы и оставалась, но тут случился пожар. Ну как – не сам собой, конечно, случился. Мать родила Агне без мужа, тайком, на отшибе, в бесхозном сарае, а потом этот сарай подожгла и сбежала подобру-поздорову в надежде, что от младенца останется только пепел, и никто ничего никогда не узнает (так и вышло, ей повезло). Однако Агне осталась жива, потому что духи огня её пожалели. Такое уж у них в ту ночь было добродушное настроение: духи огня всегда веселятся и радуются, когда человек сам, по собственной воле устраивает пожар. А младенец, когда ему от роду меньше суток, если ещё не увидел солнце и не попробовал материнского молока, существо настолько пластичное, что кого угодно можно из него воспитать. Поэтому духи огня взяли девчонку к себе, накормили сладкими искрами и научили быть как они.

В силу своего человеческого происхождения Агне имеет двойную природу, она может жить и в огне, и без огня. Правда, без огня её клонит в сон, но оно и неплохо – иногда надо и отдыхать. А если надоест клевать носом, а подходящей печки поблизости не найдётся, можно человеческими руками развести для себя костёр.

Но даже совсем без огня спать не особо хочется, если не сидеть на месте, а бегать и прыгать. И с подружками о самых интересных на свете вещах говорить, – вот о чём с предвкушением думает Агне, пока крутится перед зеркалом в женском туалете пиццерии, где уже третий год живёт в дровяной печи. Сама это место выбрала, потому что, во?первых, печка очень красивая, это важно для Агне, она умеет ценить красоту. Во-вторых, в печке готовят человеческую еду, а это очень уютно и утешительно для девчонки, которая выросла окружённая дружелюбными духами, но всё-таки сиротой. А в?третьих, Агне влюблена в здешнего повара. Он невероятный красавчик, высоченный и с бородой. Агне мечтает, как однажды ему покажется, выглянув из огня. Но постоянно откладывает знакомство: ясно же, что мужик скорее испугается, чем обрадуется. Чего доброго, уволится и сбежит от греха.

Впрочем, повар – не проблема, а дополнительное удовольствие. Агне так нравится быть влюблённой, что неважно, чем дело кончится, лишь бы это смешное, счастливое, горькое чувство не проходило подольше. Никогда раньше не была влюблена.

В половине первого ночи Каролина спускается по лестнице с чердака, а её тень, наоборот, поднимается по лестнице из подвала. В вестибюле первого этажа Каролина с тенью встречаются, обнимаются крепко, как сёстры, сливаются воедино и становятся зыбкой, мерцающей и прозрачной, но всё-таки зримой, объёмной фигурой. В таком виде уже вполне можно идти гулять.

По отдельности они обе, что сама Каролина, что её тень – невидимки. Это на самом деле довольно удобно, когда считается, будто ты давно умерла, поэтому у тебя нет ни денег, ни документов, остались только платья, туфли и драгоценности – те, о которых помнишь сама. И дом, приданое и наследство, который всю жизнь обновляла, обставляла и декорировала, так сильно любила, что после смерти уйти из него не смогла. Ничего специально не делала, никого не просила, как-то само получилось – не захотела и не ушла. Дом тогда очень обрадовался. Во-первых, он тоже любил Каролину, а во?вторых, всем известно, что с домом, в котором поселился призрак любящего хозяина, ничего плохого уже никогда не случится. Не сгорит и не рухнет, и люди его не снесут.

С тенью тоже само получилось, Каролина при жизни не знала, не читала, даже баек таких от няньки не слышала – что когда после смерти становишься призраком, у тебя появляется новая тень, с которой можно надолго расстаться и находиться в разных местах, но она не чужая, не отдельная личность, а твои дополнительные глаза. Больше всего это похоже на кинематограф – когда видишь зал, людей, которые сидят по соседству, носок своей туфли и букет на коленях, и одновременно внимательно смотришь фильм.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Здесь явно цитата из цикла Туве Янссон про Муми-троллей, герои которого поют песенку „Эй, зверятки, завяжите бантиком хвосты“.

2

О боже (лит.)

3

Запрещено (нем.)

4

Я люблю зелёный (итал.)

5

Познай себя (латынь)

Купить: https://tellnovel.com/ru/maks-fray/novaya-dikaya-ohota-rasskazy-dlya-zhivyh

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить